

НАУКА В ПОЛИТИКЕ И АДМИНИСТРИРОВАНИИ

МАРИНА ДАВИДОВНА КРЫНЖИНА

кандидат философских наук,
доцент кафедры международной журналистики,
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Москва, Россия
e-mail: m.krynzhdina@inno.mgimo.ru

Возможности научной дипломатии в условиях санкций: Опыт советско-американского научно-технического сотрудничества в 1970–1980-е гг.

УДК: 001.83

DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13004

В условиях нарастающего напряжения на международной арене возможности научной дипломатии вновь привлекают внимание ученых, политиков и руководителей научных фондов. Проблемы, выходящие за пределы национальных границ, стимулируют обращение к методам научной дипломатии, которые включают контакты между отдельными учеными и международную кооперацию между научными организациями. Помимо глобальных вызовов и угроз, еще одним препятствием на пути достижения целей внешней политики России является продление антироссийских санкций. В условиях усиливающейся конфронтации между Россией и США научная сфера также испытывает определенные трудности. В то же время представляется целесообразным рассмотреть, каким образом осуществлялось сотрудничество советских и американских ученых в период наиболее острых разногласий между странами, сменивший эпоху разрядки. С этой целью в статье исследуется период 1970–1980-х гг., когда дипломатические отношения между СССР и США были наиболее парализованы. Изучается, каким образом политические разногласия влияли на санкции, вводимые правительством Соединенных Штатов в отношении советских ученых, анализируются решения Советского Союза, касающиеся взаимодействия советских и американских ученых. Делается вывод, что в ходе президентского правления Рональда Рейгана были впервые применены именно «научные» санкции, отложены и отменены совместные рабочие группы и совещания на высшем уровне, а также частично расторгнуты соглашения о сотрудничестве в определенных научных сферах между двумя странами. Однако, несмотря на то что в периоды наиболее острых противоречий именно взаимодействие ученых на локальном уровне поддерживало дипломатические отношения между СССР и США, влияние членов научного сообщества

на международную обстановку и улучшение дипломатических отношений между СССР и США в целом не следует переоценивать.

Ключевые слова: научная дипломатия, научная политика, международное научно-техническое сотрудничество.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 18-78-10123.

Руководитель Аналитического департамента научно-технологического развития Сколтеха Ирина Дежина исследует, повлияли ли западные санкции на российскую науку, международное научное сотрудничество и академическое сообщество в целом [Дежина, 2020]. Несмотря на то что российские и американские ученые продолжают сотрудничать, официальные двусторонние научные связи были прекращены в 2014 г., не считая Соглашения о сотрудничестве в области научных, инженерных и медицинских исследований между Российской академией наук и Национальными академиями США, подписанного в 2019 г.

Эксперт пришла к выводу, что в настоящее время, несмотря на прошедший с момента введения первых санкций шестилетний период, нет эмпирических данных, подтверждающих негативное влияние санкций на научное сообщество. В то же время отсутствуют и масштабные исследования этого вопроса. Анализ проведенных И. Дежиной в 2017 г. экспертных опросов о научном сотрудничестве между Россией и Францией и в 2018–2019 гг. между Россией и США в очередной раз продемонстрировал, что наука и политика не могут в полной мере дистанцироваться друг от друга, в связи с чем важно развивать научную дипломатию и укреплять научное сотрудничество в целях противостояния накаляющейся геополитической обстановке.

Существует множество подходов к осмыслению научной дипломатии, однако наибольшее распространение среди западных и отечественных исследователей приобрело определение, выработанное в 2010 г. совместно Лондонским королевским обществом и Американской ассоциацией содействия развитию науки, согласно которому научная дипломатия включает в себя три измерения: наука в дипломатии, дипломатия для науки и наука для дипломатии [Крынжина, 2019]. В российской практике определение термина «научная дипломатия» было впервые закреплено в Концепции международного научно-технического сотрудничества (МНТС) РФ от 8 февраля 2019 г., где было отмечено, что это «особая форма международного научно-технического сотрудничества, относящаяся к публичной дипломатии, представляющая собой систему взаимодействий ученых, научных коллективов, организаций, выполняющих исследования и разработки, и взаимосвязанная с ней деятельность органов власти, направленная на развитие международных отношений с учетом интересов Российской Федерации, развития диалога научно-технического сообщества и улучшения взаимопонимания между народами» [Концепция МНТС, 2019, с. 19].

Использование инструментария научной дипломатии позиционируется как средство для взаимовыгодного многостороннего сотрудничества. Ярким примером подобного подхода является «Мадридская декларация о научной дипломатии» от 2019 г., цель которой заключается в «содействии достижению согласия и повыше-

нию осведомленности о необходимости укрепления стратегий и практик научной дипломатии во всем мире для поддержки универсальных научных и демократических ценностей» [*The Madrid Declaration*, 2019, p. 3]. В контексте этого документа научная дипломатия рассматривается как комплекс практик, применяемых на пересечении науки, технологий и внешней политики. Декларация была подписана в рамках первой Глобальной конференции по научной дипломатии, организованной по инициативе S4D4C — руководителей проекта ЕС «Используя науку ДЛЯ/В дипломатии для решения глобальных вызовов». Следует отметить, что среди участников встречи, ведущих международных экспертов, определяющих текущее развитие научной дипломатии в мире, поддержавших и подписавших документ, отсутствовали представители российской стороны [*The Madrid Declaration*, 2019, p. 7–11].

Вместе с тем основная приоритетная цель научной дипломатии — продвижение идей и реализация целей национальной научной политики на международной арене. В соответствии со Стратегией научно-технологического развития РФ от 2016 г. научное сотрудничество между странами рассматривается в качестве стратегического канала для усиления влияния страны. Схожая позиция обнаруживается и в официальных документах других стран. Так, согласно докладу Министерства иностранных дел Франции 2013 г., одной из приоритетных задач внешней политики является увеличение значимости вклада французских научных исследований и их доли в глобальном научном пространстве. А в соответствии с докладом бывшего международного директора Американской ассоциации содействия развитию науки Вона Турекяна, «научная дипломатия» подразумевает принятие или положительную оценку на международной арене ценностей науки, характерных именно для США [*Романова*, 2018].

Чтобы всесторонне проанализировать процесс влияния науки в контексте мировой политики, необходимо в первую очередь изучить деятельность международных научных альянсов, государственных научных ведомств и национальных и наднациональных ассоциаций ученых [*Романова*, 2017]. При анализе не следует забывать, что агентами научной дипломатии могут являться не только ученые как основные инициаторы научной деятельности, но и официальные международные представители государств как исполнители внешней политики, обладающие соответствующими полномочиями, а также транснациональные корпорации и международные финансовые институты, использующие потенциальные возможности научной дипломатии для увеличения доходов и укрепления влияния на международной арене.

В связи с этим в рамках данного исследования анализируется сотрудничество советских и американских ученых в период наиболее острых разногласий 1970–1980-х гг., сменивший эпоху разрядки. Актуальность затрагиваемой проблематики обусловлена выводом И. Дежиной о том, что «влияние санкций постепенно начинает переплетаться с внутренними ограничениями, такими как закрытие фондов или усложнение взаимных визитов. Санкции стали триггером, не только запустившим экономико-политические изменения, но и повлиявшим на образ мыслей, ментальные процессы» [*Дежина*, 2020]. В то же время автор уточняет, что в обоих качественных исследованиях выборки были небольшими, соответственно распространять полученные результаты на российскую науку в целом или ее сферы в частности — представляется нецелесообразным.

Несмотря на санкции, Россия продолжает участвовать в крупных международных исследовательских проектах, но существует проблема академической мобиль-

ности. «Ценность долгосрочного российско-американского сотрудничества по глобальным проблемам бесспорна. Но научные обмены будут и дальше сокращаться, поскольку одна страна проводит политику, противоречащую интересам другой» [Ширмайер, 2020], — считает Гленн Швейцер, сотрудник Национальной академии наук США, занимающийся вопросами науки и дипломатии. В то же время эксперт рассчитывает, что пауза не затянется надолго, так как «Россия и Соединенные Штаты поддерживали научное сотрудничество во времена прежних политических конфликтов, таких как холодная война» [Ширмайер, 2020].

Мы рассмотрим период 1970–1980-х гг., когда дипломатические отношения между СССР и США были наиболее парализованы, а научная сфера испытывала определенные трудности в части международного научного сотрудничества в результате введения так называемых научных санкций правительства Соединенных Штатов.

Современная историография, как отечественная, так и западная, насчитывает множество публикаций, посвященных исследованию научной политики СССР и США в период холодной войны. Если в 1980-е гг. период обострения борьбы социалистического и капиталистического лагерей рассматривался советскими учеными с позиций преимуществ социализма для науки [Гиндилис, 2013], то в постперестроечный период российские специалисты акцентируют внимание на недостатках и упущениях в подходах к развитию научной политики в СССР, таких как уменьшение количества открытий, идеологическая бюрократия, низкоинтенсивное внедрение новых технологий и др. [Колчинский, 2003].

Если говорить о структуре взаимоотношений власти и научного сообщества в рассматриваемый период, то системной советской парадигме, утверждавшей прямую зависимость развития всех отраслей науки от экономических потребностей общества и, как следствие, необходимость наукой сверху управлять, противостоял либеральный американский подход, признававший автономию фундаментальной науки от экономики и, как следствие, способствовавший выстраиванию партнерских отношений с представителями научного сообщества [Коннов, 2010]. Эксперты отмечают, что научная политика в 1970-е гг. стала одной из ключевых национальных идей ввиду экономического соперничества, оказавшего доминирующее влияние на всю американскую политику, что позволило сместить приоритеты в сторону создания технологий с коммерческим потенциалом [Коннов, Бальшев, 2012].

В статье впервые предпринимается попытка рассмотреть двустороннее научное сотрудничество двух стран в указанный период с точки зрения влияния инструментов научной дипломатии на советско-американские дипломатические отношения. Научная дипломатия как часть публичной дипломатии в условиях кризиса в отношениях между Россией и западными странами после 2014 г. может быть использована в качестве эффективного канала для конструктивного диалога. Учитывая растущий интерес к научной дипломатии среди российских исследователей [Шестопал, Литвак, 2016; Романова, 2017; Крынжина, 2019; Силантьева, 2016; и др], следует изучить, как взаимодействовали советские и американские ученые в 1970–1980-е гг. и каким образом наиболее острые и противоречивые международные конфликты влияли на реализацию научно-технических двусторонних программ. В качестве источников исследования используются официальные документы, а также мемуарная литература.

* * *

Соглашения о сотрудничестве в области науки и техники между Соединенными Штатами и Советским Союзом, заключенные в период разрядки 1970-х гг., послужили основой для совместной работы в самых разных областях на протяжении следующих двадцати лет, вплоть до распада СССР. Благодаря своему формальному межправительственному характеру они также являлись барометром состояния отношений между двумя сверхдержавами.

Администрация 37-го президента США Ричарда Никсона (1969–1974) сумела договориться и подписать соглашения с советскими чиновниками по ряду функциональных вопросов. Описывая свой официальный визит в СССР, первый в истории визит высшего руководителя в Советский Союз в мае 1972 г., Р. Никсон вспоминал: «Это был первый этап разрядки: вовлечь советские интересы таким образом, чтобы увеличить их (Советов. — *Прим. М. К.*) долю в установлении международной стабильности и обеспечить им статус-кво. Никто не думал, что коммерческие, технические и научные отношения сами по себе могут предотвратить конфронтацию или войны, но, по крайней мере, их придется учитывать в балансе прибылей и убытков всякий раз, когда Советы испытывают искушение потворствовать международным приключениям» [*Dobson*, 2002, p. 177].

В то же время Генри Киссинджер¹ так описывал ключевые задачи этого визита: «...идея была в том, чтобы подчеркнуть те сферы, в которых сотрудничество было возможным, и использовать это сотрудничество в качестве рычага давления на поведение Советского Союза в тех сферах, в которых обе страны не могли прийти к соглашению» [*Dobson*, 2002, p. 178].

Таким образом, помимо Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1), Соединенные Штаты и Советский Союз создали совместную коммерческую комиссию и подписали соглашения о сотрудничестве в области науки и техники, медицины, здравоохранения, охраны окружающей среды и освоения космоса. Соглашение о предотвращении инцидентов в открытом море и воздушном пространстве над ним, первое соглашение о сотрудничестве между военными ведомствами двух держав со времен военного союза против Гитлера, предусматривало «правила дорожного движения» для предотвращения опасных аварий на море со стороны американской и советской военно-морской деятельности.

Стратегия Никсона и Киссинджера соответствовала рациональной модели укрепления доверия посредством поэтапных соглашений, которые обеспечивают стимулы для продолжения укрепления взаимоотношений. По словам Анатолия Добрынина, посла СССР в США в период с 1962 по 1986 г., визит Никсона в Москву «позволил обеим сторонам преодолеть сильные взаимные подозрения и заняться более конструктивными отношениями, хотя они продолжали преследовать свои собственные цели на международной арене». На специальном заседании, состоявшемся после саммита 1973 г., действующий Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев заявил: «С Никсоном можно вести бизнес» [*Larson*, 2000, p. 122]. Со-

---

¹ Генри Киссинджер — лауреат Нобелевской премии мира 1973 г., занимал пост Советника по национальной безопасности США (1969–1975), а также Государственного секретаря США (1973–1977).

ветский лидер утверждал, что пришло время готовиться к ответному визиту в Соединенные Штаты.

Несмотря на многообещающее начало периода разрядки, в отношениях двух стран существовали серьезные проблемы, которые влияли и на процесс сотрудничества, и на эффективность соглашений в сфере науки 1970-х гг. До Крымского кризиса 2014 г. самым неплодотворным временем для двустороннего сотрудничества СССР и США был период с конца 1979 по 1984 г., в том числе и для ученых. Те успехи, которых все-таки удалось достичь в научной сфере, были результатом сочетания частной инициативы со стороны представителей научного сообщества и государственных деятелей. Именно в эти годы впервые правительство США использовало научное сотрудничество в качестве рычага наказания Советского Союза в связи с вопросом о правах человека.

Наиболее острые проблемы, повлиявшие в этот период на научную кооперацию, таковы: осуждение деятельности и кампании в прессе против Андрея Сахарова, ставшей символом советских репрессий против инакомыслия и прав человека; преследование еврейских ученых, которые пытались иммигрировать в Израиль и другие страны, — борьба за право свободного выезда для отказников; внешняя политика Советского Союза начиная с 1979 г., включая войну в Афганистане, введение военного положения в Польше в 1981 г. и авиационная катастрофа над Сахалином рейса авиакомпании “Korean Airlines” в 1983 г., вызвавшая серьезное обострение и без того непростых в то время отношений между СССР и США.

В частности, политика 39-го президента США Джимми Картера (1977–1981) привела к тому, что из-за суда над диссидентом Анатолием Щаранским в 1978 г. Соединенные Штаты отложили Заседание двусторонней Совместной комиссии высокого уровня по научно-техническому сотрудничеству² в знак протеста. Эти меры американского правительства можно с уверенностью назвать санкциями. Единственное отличие санкций конца 1970-х гг. от санкций начала XXI в. заключается в том, что они носили временный характер. Исследователи Кэтрин Эйлс и Артур Парди так описывают решение Картера перенести заседание: «В июле 1978 года, когда Советский Союз объявил, что суд над Щаранским будет проходить на той же неделе, что и ежегодное совещание в Москве Совместной комиссии США–СССР по науке и технике, президент Картер, выразив озабоченность по поводу обращения с советскими диссидентами и ареста американского гражданина в Москве на неопределенное время, отложил заседание Совместной комиссии и приостановил большинство официальных поездок на высшем уровне в СССР. Однако отношения между Соединенными Штатами и СССР улучшились, этот мораторий тихо закончился, а заседание Совместной комиссии было перенесено» [*Ailes, Pardee*, 1986, p. 34].

² В соответствии с законом «О научно-технической политике, организации и приоритетах» 1976 г., Управление по научно-технологической политике (Office of Science and Technology Policy — OSTP) в сотрудничестве с Государственным департаментом представляет Соединенные Штаты на двусторонних и многосторонних встречах с иностранными государствами и тесно сотрудничает с государственными научными учреждениями, независимыми исследовательскими и научными учреждениями и неправительственными организациями в целях продвижения научно-технических инициатив и укрепления глобального научного сотрудничества. Кроме того, OSTP работает над тем, чтобы ученые в Соединенных Штатах и во всем мире извлекали выгоду из совместной работы и получали доступ к наиболее современным технологиям и инновациям.

На рабочем уровне совместная деятельность, даже под эгидой Совместной комиссии, никогда не прерывалась из-за политических событий. Однако год спустя произошел кризис другого рода, который возник на более локальном уровне. Рабочая группа США—СССР по специальным темам в области физики в рамках соглашений о науке и технике собралась в Москве в декабре 1978 г. для планирования совместной рабочей программы. Сопредседателями группы были американский астрофизик Дэвид Пайн³ и советский физик Роальд Сагдеев, директор Института космических исследований Академии наук СССР. Дипломатические отношения между странами были обострены до предела, но тем не менее рабочей группе в ходе плодотворной дискуссии удалось согласовать амбициозный план совместных встреч ведущих физиков-теоретиков и астрофизиков, представляющих не только СССР и США, но и другие социалистические и капиталистические страны.

Одним из таких ученых был Лев Окунь, старший научный сотрудник Института теоретической и экспериментальной физики, в котором он возглавлял лабораторию теоретической физики. Специалист по теории элементарных частиц, Окунь был первым, кто ввел в научный оборот термин «адрон»⁴. Он был признанным мировым лидером в своей области, поэтому советские и американские руководители рабочей группы по физике согласились с тем, что он станет одним из участников заседания совместной рабочей группы со стороны СССР, которое должно было состояться в июле 1979 г. в Центре физики Института Аспена в штате Колорадо.

По мере приближения даты семинара список советских участников подвергался корректировке Академией наук СССР, и Лев Окунь в нем больше не фигурировал. Национальная академия наук (НАН) США отправила пять телеграмм в Академию наук СССР, но безрезультатно. В последний момент, посоветовавшись с членами рабочей группы США, возмущенный Пайнс порекомендовал президенту НАН Филиппу Хэндлеру, который придерживался решительной позиции протеста в отношении обращения властей СССР с Сахаровым, этот семинар отменить. Филипп Хэндлер согласился: семинар был отменен, а совместная рабочая группа по физике по его инициативе распущена.

Так, не успев начаться, по инициативе и настоянию научного сообщества США, закончилась совместная деятельность с советскими исследователями, которая потенциально могла бы стать одним из наиболее научно значимых и престижных мероприятий в рамках межправительственного научно-технического соглашения.

В атмосфере и без того ухудшающегося дипломатического климата через семь месяцев правительство США ввело новые санкции, на этот раз спровоцированные вторжением Советского Союза в Афганистан в декабре 1979 г. В январе 1980 г. президент Картер выдвинул ультиматум Леониду Брежневу: если СССР не уйдет из Афганистана в течение одного месяца, Соединенные Штаты будут бойкотировать Олимпийские игры 1980 г., которые пройдут в Москве. Хотя юридическая основа подобного заявления и вызывала сомнения, бойкот был поддержан Олимпийским комитетом США, более того, к нему присоединились многие, но далеко не все стра-

³ Был основателем и первым директором (1968–1970) Центра перспективных исследований, вице-президентом Центра физики в Аспене в 1968–1972 гг., в 1968–1989 гг. также был сопредседателем Совместной советско-американской программы в области физики.

⁴ Адроны — термин, обозначающий класс составных частиц, подверженных сильному взаимодействию, введен в 1962 г.

ны. Однако даже в этом случае пост-афганские санкции не привели к прекращению совместной научной деятельности. Вместо этого, как и прежде, они заключались лишь в запрете всех встреч и совещаний на высшем уровне. Совместные научные мероприятия с участием ученых на менее высоком уровне проходили как прежде. «Администрация Картера быстро перешла к тому, чтобы отложить запланированные встречи на высшем уровне, которые будут проводиться под эгидой двусторонних соглашений США и СССР в области науки и техники. Вся совместная деятельность в рамках Соглашения о науке и технике была впоследствии рассмотрена Государственным департаментом в каждом конкретном случае. На самом деле это был возврат к статус-кво, поскольку все виды деятельности регулярно проверялись в каждом конкретном случае» [Ailes, Pardee, 1986, p. 25].

Программы Национального научного фонда (NSF), независимого агентства при правительстве США, в рамках двустороннего соглашения о науке и технике, не были отложены или прекращены из-за введения санкций на встречи на высшем уровне, равно как и межакадемические обмены. Более того, продолжалось и щедрое финансирование (более 3 млн долларов) совместных программ со стороны Конгресса Соединенных Штатов. Тем не менее санкции в отношении Афганистана были первым признаком того, что даже научное сотрудничество, которое, по мнению многих, не имеет национальных границ, не защищено в том случае, если основные инвестиции осуществляются за счет государственной поддержки.

Таким образом, протесты администрации Картера по поводу суда над Шаранским, преследования Сахарова и советского вторжения в Афганистан, несмотря на все общественные волнения и символические действия, такие как временные запреты на встречи и визиты на высшем уровне, фактически никак не влияли на научное сотрудничество между двумя странами.

Впоследствии администрация Рейгана начала постепенно отказываться от политики введения санкций, затрагивающих научную сферу, хотя осуществляла это весьма непоследовательно. В декабре 1981 г. Советский Союз ввел военное положение в Польше, чтобы подавить рабочее диссидентское движение, возглавляемое Лехом Валенсой и все более поддерживаемое католической церковью в лице папы римского Иоанна Павла II. В результате администрация Рейгана решила отменить запланированное возобновление всех официальных межправительственных соглашений в области науки и техники (и, возможно, других), которые должны были быть продлены в 1982 г. Под санкции США подпали соглашения о сотрудничестве в сфере науки и техники, энергетики и космоса.

Интересно, однако, что два других соглашения, которые должны были быть продлены в 1982 г., — о сотрудничестве в сфере медицинской науки и общественного здравоохранения, а также в сфере защиты окружающей среды, — администрация Рейгана разрешила автоматически продлить. Очевидно, что эти соглашения имели больше перспектив для реализации по ряду причин.

Соглашение о сотрудничестве в сфере науки и техники считалось в высших эшелонах власти убыточным, представлявшим угрозу для развития американской науки ввиду возможной утечки стратегических секретных технологий в Советский Союз. Что касается межправительственного Соглашения о сотрудничестве в космосе, то, несмотря на его формальное отсутствие, администрация позволила ученым осуществлять сотрудничество на индивидуальной основе.

Заключение Соглашения для правительства Соединенных Штатов не представляло интереса, поскольку большая часть программ, продемонстрировавших фантастические результаты космического сотрудничества между двумя странами, такие как советско-американская программа «Союз — Аполлон», реализовывались независимо от двусторонних соглашений на высоком политическом уровне [Lubrano, 1981].

В то же время Роальд Сагдеев считает, что реализация сотрудничества в рамках советско-американского проекта «Союз — Аполлон» была продиктована политической волей руководства двух стран. Сотрудничество представляло серьезную управленческую проблему для обеих сторон, учитывая общее отсутствие совместимости между двумя космическими программами. «НАСА должно было работать с коллегой, которого невозможно было даже четко идентифицировать. Министерство общего машиностроения все еще было окутано тайной, и советские власти дали указание Академии наук выступить в качестве прикрытия для всех действий во время Аполлона — Союза. Советские отраслевые эксперты должны были представиться сотрудниками Института космических исследований, а военные офицеры из Советского космического командования переодевались в гражданскую одежду, настаивая на том, что советская Академия управляла стартовой площадкой космодрома Байконур» [Sagdeev, Eisenhower, Lodgson, 2008].

В аннулировании Соединенными Штатами Соглашения о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях также отразилась и укоренившаяся ранее боязнь утечки технологий. Стыковка двух пилотируемых кораблей на орбите в июле 1975 г. была редким проявлением дружественного отношения между США и СССР в период холодной войны. Леонид Брежнев и 38-й президент Соединенных Штатов Джеральд Форд (1974–1977) обменялись посланиями дружбы и поздравлениями, которые должны были стать финальным международным рукопожатием в космосе на долгие годы. Вскоре после полета обе стороны встретились, чтобы обсудить возможные последующие космические проекты, и договорились о создании специальной двусторонней рабочей группы. Советскую группу возглавлял Роальд Сагдеев, а американскую исследователь в области физики плазмы Чарльз Кеннел. Совместная работа заключалась в разработке сценария, согласно которому специальный научный модуль, представляющий собой смесь советской и американской станций, мог быть доставлен на орбиту американским космическим челноком. «К сожалению, политика вмешалась снова, — вспоминает Сагдеев. — Приступивший к исполнению обязанностей президента (в 1977 г. — Прим. М. К.) Джимми Картер был обеспокоен обвинениями Конгресса в том, что Советы получили ценную американскую технологию во время проекта “Аполлон — Союз”. К концу 1978 г. администрация Картера прекратила дискуссии о дополнительном сотрудничестве с Советами. После того, как Советы вторглись в Афганистан в декабре 1979 г., надежды на значительное сотрудничество в космосе не было. Соединенные Штаты продолжали сотрудничество с Европой в рамках таких проектов, как модуль “Спейслэб”, который мог бы летать на космическом шаттле, в то время как Советы продолжали ориентироваться на пилотируемые космические станции “Салют”» [Sagdeev, Eisenhower, Lodgson, 2008].

Что касается энергетического соглашения, оно, вероятно, было отменено администрацией Рейгана по внутривнутриполитическим причинам, потому что руководство было настроено враждебно по отношению к широкой правительственной роли в

финансировании новых исследований, особенно в области возобновляемых источников. Соглашение об энергетике также отличалось от Соглашения о мирном использовании атомной энергии, которое явно больше относится к двусторонним отношениям и в любом случае не подлежало возобновлению в 1982 г. Кроме того, в 1983 г. Соединенные Штаты решили не продлевать Соглашение о сотрудничестве в области перевозок в ответ на действия СССР 1 сентября 1983 г., когда было решено сбить отклонившийся с курса и пролетевший над советскими военными объектами рейс 007 “Korean Airlines” над островом Сахалин.

Джон Циммерман, сотрудник дипломатической службы, который в то время работал в «советском столе»⁵ Государственного департамента, хорошо помнил это время: «Сразу после этого (имеется в виду советское введение военного положения в Польше в декабре 1981 г. — Прим. М. К.) Белый дом отменил все двусторонние программы с Советским Союзом. Поэтому, когда я стал работать в отделе Советского Союза в качестве сотрудника, занимающегося научными и культурными обменами, я потратил много времени на то, чтобы собрать детали этого решения, включая переговоры о возвращении оборудования, отправленного в СССР в соответствии с Энергетическим соглашением. В обмен на отправку обратно этого оборудования — большого магнита, который должен был использоваться для совместных магнито-гидродинамических экспериментов, — Советам потребовались предметы бытовой техники (например, видеомагнитофоны и домашние видеокамеры). Хотя это звучит просто, эти переговоры заставили меня и межведомственное сообщество значительно потрудиться» [Sher, 2019, p. 35].

8 марта 1983 г. Рейган провозгласил Советский Союз «империей зла». Но всего несколько месяцев спустя чиновники администрации начали обдумывать способы восстановления отношений с СССР. Есть даже свидетельство того, что у самого Рейгана изменилось мнение. Вот что об этом вспоминал сотрудник Госдепа Циммерман: «В августе 1983 года Советы сбили самолет корейского авиалайнера KAL 007 — событие, которое я хорошо помню, потому что все мы на “советском столе” занимались обслуживанием Центра операций и, казалось, работали двадцать четыре часа в сутки. В любом случае, где-то в конце 1983 или начале 1984 года я решил, что если мы когда-нибудь собираемся разогреть наши двусторонние отношения, научно-техническая сторона могла бы стать той нишей, с которой можно было начать выстраивать общение <...>, если бы мы не смогли возродить научное сотрудничество, какая надежда была бы на другие, более сложные области? Итак, я написал серию записок, в которых, по сути, говорилось, что, если Белый Дом заинтересован в том, чтобы послать сигнал Советам или фактически возродить хотя бы эту часть наших отношений, вот некоторые вещи, которые мы могли бы сделать <...> Некоторые из моих идей <...> отменили довольно быстро. Однако те из них, которые касались программ обмена кадрами в области науки, были хорошо приняты. Насколько я помню, я предложил позитивные шаги для всех соглашений. Эта инициатива была реализована очень, очень тихо, но, как мне кажется, ей помог тот факт, что, как я понимаю, первая леди и советник по национальной безопасности Бад Макфарлейн желали продемонстрировать, что администрация достигла хоть какого-то прогресса в работе с Советами. Весь процесс завершился выступлением президента Рейгана в июне 1984 года, в котором говорилось об активизации американо-со-

⁵ Так в Государственном департаменте именовался тогда отдел Советского Союза.

ветских отношений в области науки и техники. Некоторые из моих формулировок из первого черновика его речи были отредактированы, но реальное удовольствие заключалось в том, что тогда координация работа ведомства была настолько правильной, что даже простой сотрудник бюро мог действительно влиять на внешнюю политику США» [Sher, 2019, p. 37].

Действительно, это был один из тех уникальных исторических моментов, хотя немногие признавали его таковым, когда личности и политика пересекаются наиболее сильно. Рейган, несмотря на жесткую публичную риторику, на самом деле изменил мнение. «Это было время, — продолжил Циммерман, — когда сам президент сигнализировал, что атмосфера в двусторонних отношениях начинает меняться. Рейган выступил по телевидению с речью о контроле над вооружениями, проект, которым занимался “советский стол”. Насколько я помню, Том Симонс и Марк Палмер были оригинальными составителями. Однако, когда президент фактически произнес речь, он добавил, по-видимому, свой собственный кусок текста, в котором кратко рассказал об американской и советской паре, которые случайно встретились на автобусной остановке. По его словам, президент попросил две пары искать убежища от дождя <...> Рассказ был немного глупым, но посыл был ясным: на личном уровне нас всех объединяют общие ценности, несмотря на различия в наших политических системах. Тем не менее, мои коллеги и я были шокированы тем, что у президента оказывается такой “ориентированный на будущее” взгляд на Советы: конечно, ни у кого из нас не хватило бы смелости вставить что-то подобное в его речь» [Sher, 2019, p. 36–37].

Вот так отреагировали на знаменитую речь Рейгана советские дипломаты: «Мы читали ее и перечитывали, не веря своим глазам. Несмотря на предупреждение Громыко о предстоящей смене тональности, мы ожидали вновь услышать об империи зла, о нарушении прав человека, о варварском расстреле корейского лайнера, а вместо этого Рейган объявил наступающий 1984 год годом “возможностей для мира”. Вместо нагнетания конфронтации он предлагал возобновить “диалог, который поможет обеспечить мир в беспокойных районах планеты, сократить уровни вооружений и построить конструктивные рабочие отношения с Советским Союзом... Если советское правительство действительно хочет мира, — мир будет. Совместно мы можем укрепить мир. Давайте займемся этим”. Неожиданно прозвучали слова “моя мечта — увидеть день, когда ядерное оружие будет стерто с лица Земли”. Если бы такое сказал Брежнев или Андропов — это понятно. Однако ни один американский президент после Трумэна даже мыслей подобных не допускал» [Гриневский, 2004, с. 367].

В 1985 г., после того, как Рейган встретился с генеральным секретарем ЦК КПСС Горбачевым на саммите в Рейкьявике, атмосфера снова начала улучшаться. Научное сотрудничество продолжало развиваться в рамках действовавших на тот момент двусторонних соглашений, а совместные специальные программы, в том числе финансируемые Национальным научным фондом США в формате сотрудничества ученых под эгидой исследовательских грантов, оставались без изменений.

К 1987 г. политическая атмосфера изменилась в лучшую сторону. Национальный научный фонд США и Государственный департамент смогли начать обсуждение вопроса о заключении нового межправительственного соглашения о фундаментальных научных исследованиях вместо соглашения о науке и технике 1972 г., которое не было пролонгировано администрацией Рейгана. Вот так описывает эти

переговоры Джерсон Шер, который занимал должность старшего менеджера программы NSF: «Я лично участвовал в шестидесяти двух межведомственных встречах под председательством Управления по разработке научно-технической политики (OSTP), которые были необходимы для достижения консенсуса на стороне США, и во всех переговорах с советской стороной по соглашению <...>. Советник президента по науке Уильям Грэм пытался саботировать соглашение в день, когда соглашение должно было быть инициировано. Грэм настаивал на том, что необходимо вновь начать переговоры по решению проблемы, которая до этого на протяжении года обсуждалась обеими сторонами — определение “фундаментальных исследований” — и которая была формально решена, как мы думали. Это противостояние, которое обозначилось в самый последний момент в администрации США, привело к безоговорочному вызову лидера делегации Ричарда Смита, тогда исполняющего обязанности помощника госсекретаря США по проблемам океанов и международным вопросам экологии и науки, в Совет национальной безопасности. Выслушав и отклонив аргументы персонала OSTP и офиса Торгового представителя США, Смит все равно предпринял смелый шаг, чтобы заключить соглашение <...>. Новое соглашение по фундаментальной науке было в конечном итоге подписано двумя министрами иностранных дел» [Sher, 2019, p. 38].

Аналогичным образом в апреле 1987 г. оба правительства согласовали новое двустороннее Соглашение о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях, восполнив пробел в этой области, возникший в результате отмены администрацией Рейгана в 1982 г. Соглашения о космическом сотрудничестве 1972 г.

Несмотря на то что внешняя политика двух стран и обострение дипломатических отношений СССР и США в разное время приводили к формальной отмене или приостановке программ двустороннего сотрудничества в различных сферах науки, в то же время финансирование совместных рабочих проектов продолжалось. Власти Соединенных Штатов стремились выработать механизм давления на Советский Союз посредством повсеместного расширения научного сотрудничества и свертывания такового в необходимый момент. Временное приостановление совместной деятельности и сокращение научного сотрудничества было одним из инструментов давления. В то же время инициатива временного прекращения реализации двусторонних программ могла исходить и со стороны американского научного сообщества. Несмотря на санкции, советские ученые продолжали, как и в настоящее время, участвовать в большинстве крупных международных исследовательских проектов, в том числе инициированных американской стороной. Что же касается научной дипломатии, то именно приход к власти Михаила Горбачева возобновил реализацию частично приостановленных двусторонних научных советско-американских программ и соглашений о сотрудничестве.

Можно констатировать несоответствие между часто преувеличенными ожиданиями дипломатов и самих исследователей в отношении научного сотрудничества и его фактическим воздействием на международные отношения. Несмотря на то что в периоды наиболее острых противоречий именно взаимодействие ученых на локальном уровне поддерживало дипломатические отношения между СССР и США, влияние членов научного сообщества на международную обстановку и улучшение дипломатических отношений между СССР и США в целом не следует переоценивать.

Литература

Гиндилис Н. Л. Из истории советского науковедения: 80-е годы // Науковедческие исследования. 2013. С. 171–214.

Гриневский О. А. Перелом. От Брежнева к Горбачеву. М.: ОЛМА медиагрупп: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. 622 с.

Дежина И. Г. Изменили ли санкции российскую науку? 10.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.eurasianet.org/изменили-ли-санкции-российскую-науку> (дата обращения: 21.03.2020).

Квирин Ширмайер. Россия намерена возродить науку после многолетнего застоя. 19.03.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/science/20200319/247086930.html> (дата обращения: 21.03.2020).

Колчинский Э. И. (ред.). Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 1040 с.

Коннов В. И., Бальшев А. В. Научная политика США: от концепций к практикам // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Международные отношения». 2012. № 2. С. 5–12.

Коннов В. И. Парадигмы научной политики: история и современность // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 5. С. 101–112.

Концепция международного научно-технического сотрудничества от 2019 г. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aad5de45b3a58103046d70eabef2.pdf> (дата обращения: 19.05.2020).

Крыжжина М. Д. Научная дипломатия в интерпретациях российских специалистов // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 4 (55). С. 193–208.

Романова М. Д. Значимость научной дипломатии растет // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2018. № 1 (97). С. 78–83.

Романова М. Д. Научная политика в контексте билингвальной культуры: опыт Канады // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 4 (34). С. 111–120.

Силантьева М. В. Практики научной дипломатии в измерениях культуры и творчества: «наука для дипломатии» в Италии и России // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2016. Т. 5. № 6. С. 17–23.

Шестопал А. В., Литвак Н. В. Научная дипломатия. Опыт современной Франции // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5 (50). С. 106–114.

Ailes C. P., Pardee A. E. Cooperation in Science and Technology: An Evaluation of the US. 1986. 34 p.

Dobson A. P. US Economic Statecraft for Survival, 1933–1991: of Sanctions, Embargoes and Economic Warfare. Routledge, 2002. P. 177.

Larson D. W. Anatomy of Mistrust: US–Soviet Relations During the Cold War. Cornell University Press, 2000. 122 p.

Lubrano L.L. National and International politics in US–USSR Scientific Cooperation // Social Studies of Science. 1981. Vol. 11. № 4. P. 451–480.

Sagdeev R., Eisenhower S., Lodgson J. United States — Soviet Space Cooperation during the Cold War // NASA. Gov. 2008. Available at: https://www.nasa.gov/50th/50th_magazine/coldWarCoOp.html (date accessed: 03.12.2018).

Sher G. S. From Pugwash to Putin: A Critical History of US–Soviet Scientific Cooperation. Indiana University Press, 2019. 324 p.

The Madrid Declaration on Science Diplomacy. 02.2019. Available at: <https://www.s4d4c.eu/wp-content/uploads/2020/06/madrid-declaration-1.10.pdf> (date accessed: 17.04.2020).

Opportunities for Science Diplomacy Under Sanctions: the Experience of Soviet-American Scientific and Technical Cooperation in the 1970–1980s

MARINA D. KRYNZHINA

Moscow State Institute of International Relations,
Moscow, Russia
e-mail: m.krynzhina@inno.mgimo.ru

In the conditions of growing tension in the international arena, the possibilities of science diplomacy once again attract the attention of scientists, politicians and managers of scientific foundations. Problems that go beyond national borders stimulate the use of methods of science diplomacy, which include contacts between individual scientists, groups of scientists, their international cooperation as well as cooperation between Academies of sciences. In addition to global challenges and threats, the extension of anti-Russian sanctions represents another obstacle to achieving the goals of Russia's foreign policy. In the context of the growing confrontation between Russia and the USA, the scientific sphere, among other things, is experiencing certain difficulties. It seems appropriate to examine how the collaboration of Soviet and American scientists was carried out during the period of the most acute disagreement, which replaced the era of detente. The article explores the period of the 1970–1980s of the XX century, when diplomatic relations between the USSR and the USA were most paralyzed. It explores how political differences influenced the sanctions imposed by the United States government on Soviet scientists. The decisions of the Soviet Union concerning the interaction of Soviet and American scientists are analyzed. It is concluded that “scientific sanctions” were applied for the first time during the presidency of Ronald Reagan, joint working groups and summit meetings were postponed and canceled, and agreements on cooperation in certain scientific fields between the two countries were partially terminated. However, despite the fact that during the most acute conflicts, the interaction between scientists at the local level took place and supported diplomatic relations between the USSR and the USA, the influence of members of the scientific community on the international situation and the improvement of diplomatic relations between the USSR and the USA as a whole should not be overestimated.

Keywords: science diplomacy, science policy, international S&T cooperation.

Acknowledgment

The research was carried out with support by Russian Science Foundation (RSF) according to the scientific project No. 18-78-10123.

References

- Ailes, C. P., Pardee, A. E. (1986). *Cooperation in Science and Technology: An Evaluation of the US*.
Dezhina, I. G. (2020, March 10). *Izmenili li sanktsii rossiyskuyu nauku?* [Did sanctions change Russian science?]. Available at: <https://russian.eurasianet.org/izmenili-li-sankcii-rossijskuju-nauku> (date accessed: 21.03.2020) (in Russian).

Dobson, A. P. (2002). *US Economic Statecraft for Survival, 1933–1991: of Sanctions, Embargoes and Economic Warfare*. Routledge.

Gindilis, N. L. (2013). Iz istorii sovetskogo naukovedeniya: 80-e gody [From the history of Soviet science of science: the 80s], *Naukovedcheskiye issledovaniya*, pp. 171–214 (in Russian).

Grinevskij, O. A. (2004). *Perelom. Ot Brezhneva k Gorbachevu* [Fracture from Brezhnev to Gorbachev], Moskva: OLMA mediagrupp: OLMA-PRESS Obrazovanie (in Russian).

Kolchinsky, E. I. (ed.) (2003). *Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitel'nyye ocherki* [Science and Crises. Historical-comparative issues], S.-Peterburg: Dmitry Bulanin (in Russian).

Konnov, V. I., Balyshhev, A. V. (2012). Nauchnaya politika SShA: ot koncepciy k praktikam [USA Science Policy: From Concepts to Practices], *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: "Mezhdunarodnyye otnosheniya"*, no 2, pp. 5–12 (in Russian).

Konnov, V. I. (2010). Paradigmy nauchnoy politiki: istoriya i sovremennost' [Science policy paradigms: history and modernity], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no 5, pp. 101–112 (in Russian).

Koncepciya mezhdunarodnogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva ot 2019 [The concept of international scientific and technical cooperation from 2019]. Available at: <https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aad5de45b3a58103046d70eabef2.pdf> (date accessed: 19.05.2020) (in Russian).

Krynzhdina, M. D. (2018). Nauchnaya diplomatiya v interpretatsiyakh rossiyskikh spetsialistov [Science diplomacy in interpretations of russian scientists], *Mezhdunarodnyye protsessy*, vol. 16, no. 4 (55), pp. 193–208 (in Russian).

Larson, D. W. (2000). *Anatomy of Mistrust: US–Soviet Relations During the Cold War*, Cornell University Press.

Lubrano, L. L. (1981). National and International Politics in US–USSR Scientific Cooperation, *Social Studies of Science*, vol. 11, no. 4, pp. 451–480.

The Madrid Declaration on Science Diplomacy (02.2019). Available at: <https://www.s4d4c.eu/wp-content/uploads/2020/06/madrid-declaration-1.10.pdf> (date accessed: 17.04.2020).

Romanova, M. D. (2018). Znachimost' nauchnoy diplomatii rastet [The importance of science diplomacy is growing], *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy*, no. 1 (97), pp. 78–83 (in Russian).

Romanova, M. D. (2017). Nauchnaya politika v kontekste bilingval'noy kul'tury: opyt Kanady [Science Policy in the Context of Bilingual Culture: Canadian Experience], *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (34), pp. 111–120 (in Russian).

Sagdeev, R., Eisenhower, S., Lodgson, J. (2008). *United States–Soviet Space Cooperation during the Cold War*, NASA. Gov. Available at: https://www.nasa.gov/50th/50th_magazine/coldWarCoOp.html (date accessed: 03.12.2018).

Sher, G. S. (2019). *From Pugwash to Putin: A Critical History of US–Soviet Scientific Cooperation*, Indiana University Press.

Shestopal, A. V., Litvak, N. V. (2016). Nauchnaya diplomatiya. Opyt sovremennoy Frantsii [Science diplomacy. Experience of modern France], *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 5 (50), pp. 106–114 (in Russian).

Shirmajer, K. (2020, March 19). *Rossiya namerena vozrozhdat' nauku posle mnogoletnego zastoya* [Russia is going to revive science after a long period of stagnation], Available at: <https://inosmi.ru/science/20200319/247086930.html> (date accessed: 21.03.2020).

Silant'yeva, M. V. (2016). Praktiki nauchnoy diplomatii v izmereniyakh kul'tury i tvorchestva: "nauka dlya diplomatii" v Italii i Rossii [The practice of scientific diplomacy in the dimensions of culture and creativity: "science for diplomacy" in Italy and Russia], *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*, vol. 5, no. 6, pp. 17–23 (in Russian).